

КУЛЬТУРА

А.В. Белова¹

Тверской государственной университет

ЖЕНСКАЯ ЭПИСТОЛЯРНАЯ КУЛЬТУРА В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX И XX–XXI ВЕКОВ²

В статье автор рассматривает проблему «женского письма» на «рубеже веков». Сопоставляя письма российских дворянок на рубеже XVIII–XIX вв. с электронными письмами образованных женщин на рубеже XX–XXI вв., автор выявляет функциональные особенности современной эпистолярной культуры по сравнению с традиционной.

Ключевые слова: «женское письмо», эпистолярная культура, женская повседневность, женская история, гендер, российские дворянки.

A.V. Belova

Tver' State University

WOMEN'S EPISTOLARY CULTURE IN RUSSIA AT THE XVIIIth - XIXth AND THE XXth - XXIth CENTURIES TURN

In the article the author focuses on the issue of «women's writing» on the «turn of the century». Comparing the letters of the Russian noblewomen at the turn of the XVIII–XIX centuries with the e-mails of educated women at the turn of XX–XXI centuries, the author reveals the

---

¹ Анна Валерьевна Белова, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета, Член Президиума Межрегиональной общественной организации «Российская ассоциация исследователей женской истории» (РАИЖИ), входящей на правах коллективного члена в International Federation for Research in Women's History (IFRWH) – «Международную федерацию исследователей, изучающих женскую историю» (МФИЖИ), Член Ассоциации антропологов и этнологов России (ААЭР).

² Исследование поддержано РГНФ, проект № 16-01-00136.

functional features of a modern epistolary culture in comparison with the traditional one.

Keywords: «women's writing», epistolary culture, women's daily life, women's history, gender, Russian noblewomen.

Изучение культуры «женского письма» является своеобразным «полем пересечения» научных интересов целого ряда перспективных дисциплин и направлений: современных историко-культурных исследований, гендерной антропологии, истории повседневности, источниковедения эпистолярных источников. В широком смысле под «женским письмом» понимают стилевую тенденцию, обозначаемую французским выражением *écriture féminine*. В гендерных исследованиях оно стало одним из «терминов новой науки» [Шорр, Хайдер, 1999, с. 17]. Обращение к этой проблеме представляется особенно актуальным на фоне участвовавших на рубеже XX–XXI вв. как в специальной литературе, так и в прессе [Кому Вы в последний раз написали письмо? 2001, с. 3] замечаний о том, что «эпистолярный жанр вырождается» [Кабанов, 1998, с. 642]. Справедливость подобных замечаний не вызывает сомнений, однако причины происходящего невозможно понять вне исторического контекста. При этом в центре внимания оказываются вопросы происхождения и особенностей функционирования эпистолярной культуры, а также ее эволюции, своеобразного «перерождения» в результате появления и распространения нового способа передачи письменных сообщений по электронной почте. Традиционно активное участие женщин в переписке и ее особая ценностная значимость в их повседневной жизни, наличие ряда «специальных» умений и навыков, позволявших оформить письмо в соответствии с устоявшимися нормами и канонами, и в то же время известная специфика писем представительниц «прекрасного пола» по сравнению с письмами представителей «сильного пола», наконец, роль носительниц и хранительниц письменного этикета, передававшегося в процессе воспроизводства культурного этоса через материнское воспитание молодому поколению, причем, детям обоего пола, – все это дает основания говорить о существовании женской эпистолярной культуры

и о возможности ее рассмотрения в качестве самостоятельного историко-культурного феномена.

«Материальными памятниками» этой культуры в России на рубеже XVIII–XIX вв. были личные архивы, образовывавшиеся как у столичных, так и у провинциальных дворянок¹, регулярно писавших и получавших письма, аккуратно хранивших всю корреспонденцию, включая черновики собственных писем. Личные архивы дворянских женщин – это свидетельства и интенсивного письменного общения, и потребности в самовыражении, и способности к культурной рефлексии. Подход к изучению женских писем не с точки зрения извлечения содержащихся в них конкретных исторических фактов², а как к образцам специфической женской культуры, своеобразным символам «женственности» представляет несомненную ценность для современных культурологических, феминистических и гендерных исследований.

Эпистолярный жанр как особая форма словесности уходит корнями в далекое прошлое и имеет свою историю и в европейской, и

---

¹ Личные архивы провинциальных дворянок могут быть выделены, например, из состава материалов частных дворянских архивов, сохранившихся в личных фондах областных архивов России. Настоящее исследование основано на анализе женских писем, содержащихся в Государственном архиве Тверской области (далее ГАТО) в фондах дворян Аболешевых (Ф. 1022. Оп. 1), Апыхтиных (Ф. 1403. Оп. 1), Бакуниных (Ф. 1407. Оп. 1), А.В. Кафтыревой (Ф. 1233. Оп. 1) (единственном собственно «женском» фонде среди упоминаемых семейных фондов), Лихаревых (Ф. 1063. Оп. 1), Лихачевых (Ф. 1221. Оп. 1), Мальковских (Ф. 1066. Оп. 1), Манзей (Ф. 1016. Оп. 1), а также в фонде Тверской ученой архивной комиссии ГАТО (Ф. 103. Оп. 1). Архивные материалы цитируются в основном в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением некоторых случаев, позволяющих более точно передать культурный колорит эпохи.

² Такой подход к анализу всей вообще частной переписки безапелляционно сформулирован, например, в первом советском учебнике источниковедения, разработанном в Историко-архивном институте: «Осведомленность авторов писем в тех или иных вопросах является основным фактором, обуславливающим ценность их содержания» (Никитин С.А. Источниковедение истории СССР XIX в. (до начала 90-х годов): Курс источниковедения истории СССР / Под ред. Ю.В. Готье. – Москва, 1940. Т. II. – С. 145).

в русской культуре¹. Специфическое отличие частной переписки в новое время состоит в ее «массовом» распространении, связанном с тем, что она отражала процесс эмансипации индивидуальности, в том числе женской, и оформления пространства «приватной жизни», отделенной от публичной сферы². С учетом этих оговорок «женская эпистолярная культура берет начало в традиции письменного общения, сформировавшейся в России в XVIII в.» [Белова, 2003, с. 282]. Эта традиция, в свою очередь, обнаруживает преемственность с теми изменениями в повседневной жизни русского дворянства, которые последовали за петровскими преобразованиями. В частности, одним из проявлений процесса культурной переориентации дворянства, связанного с разрушением в дворянской среде элементов традиционной культуры и быта и обращения к западноевропейским образцам, являлось увеличение мобильности в социокультурном пространстве, что одновременно способствовало актуализации коммуникативных связей и появлению потребности в регулярном письменном общении. До первой четверти XVIII в. традиционно привязанные к определенному местожительству и друг к другу дворяне проводили незначительное количество времени в разъездах и путешествиях и не имели достаточных поводов для ведения постоянной переписки. Не случайно бытовое письмо было преемственно связано с письмом путешественника. В этом смысле

---

¹ См., напр.: Кнабе Г.С. Личность и индивидуальность: Античная биография и античное письмо // Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. – Москва, 1994; Его же. Античное письмо // Человек и общество в античном мире. – Москва, 1998; Демин А.С. Вопросы изучения русских письмовников XV-XVII вв. (Из истории взаимодействия литературы и документальной письменности) // ТОДРЛ. – Москва; Ленинград, 1964. Т. XX; Его же. Русские письмовники XV-XVII вв. (К вопросу о русской эпистолярной культуре): Автореф. канд. дис. – Ленинград, 1964.

² О взаимосвязи «процессов обособления индивида и выделения частной сферы его деятельности» см.: Репина Л.П. Выделение сферы частной жизни как историографическая и методологическая проблема // Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. – Москва, 1996. – С. 27.

символическое значение имели знаменитые «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, опубликование которых на рубеже XVIII–XIX вв. произвело в дворянской среде поразительный общественный резонанс¹.

Очевидно, у путешественника XVIII в. знакомство с новой, непривычной для него действительностью вызывало острую потребность поделиться информацией о ней с близкими людьми, в том числе с матерью, сестрой, женой. В свою очередь, это побуждало женщин к ответному участию в переписке. Зачастую материнское беспокойство о судьбе сына становилось первоначально поводом к включению «в процесс переписки посредством надиктовывания писем» [Белова, 2013, с. 66]. Мемуаристка Наталья Николаевна Мордвинова сообщала о своей прабабушке, Авдотье Степановне Ушаковой, по мужу Мордвиновой (1677–1752), что та, «в отсутствие сына», посланного «за границу для образования», «продолжала жить в деревне, но вела переписку с ним... Первые письма ее были писаны его дядькою по ее диктовке, а впоследствии она выучилась грамоте и писала сама» [Мордвинова, 1990, с. 391]. К тому же сами дворянки в XVIII в. начали путешествовать, причем не только по своей стране, но и за границей. Это также становилось поводом для написания писем родным и знакомым.

Участие женщин в переписке предполагало наличие у них элементарной грамотности, то есть навыков чтения и письма. Но даже в начале XIX в., не говоря уже о более раннем периоде, встречались женщины-дворянки, особенно в провинции, не умевшие писать².

---

¹ См., напр.: Макогоненко Г.П. Николай Карамзин и его «Письма русского путешественника» // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – Москва, 1988. – С. 5-6. Также о связи письма и путешествия см.: Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVIII – начала XIX в.: Учебное пособие. – Москва, 1983. – С. 148.

² Указания на это часто содержатся в имущественных документах женщин, как, например, в одной купчей на крепостных крестьян, составленной 1 октября 1809 г.: «К сей купчей вместо княгини Пелагеи Ивановой дочери жены Мещерской... за неумением грамоте и писать по ее прошению коллежский протоколист Григорий Иванов сын Языков руку приложил» (ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 66. Л. 1об.); А.П. Керн вспоминала о своей бабушке Агафоклее Александровне Полторацкой, урожденной Шишковой, что та «не

Иногда вовлечение в процесс письменной коммуникации предшествовало приобретению дворянкой навыков письма и ведения переписки, как в случае, когда, первоначально общаясь с сыном, пребывавшим за границей, через посредника, писавшего письма от ее имени, она вскоре сама бралась за перо, выучившись грамоте. Позднее в середине XIX в. участие в переписке наравне с другими членами семьи становилось одним из побудительных мотивов обучения грамоте дворянских детей, в том числе девочек. В целом в результате распространения на рубеже XVIII–XIX вв. системы женского образования, представленной тремя его видами – институтским, пансионским и домашним¹ – светская грамотность переставала быть редкостью, а круг «грамотных» женщин, способных к ведению переписки, – ограниченным.

Два столетия спустя, на рубеже XX–XXI вв., обнаружилась в известном смысле сходная ситуация: получила «массовое» распространение новая разновидность эпистолярного жанра – электронное письмо. Его появление стало результатом увеличения мобильности в современном мире, создания новых высокотехнологичных средств и интенсификации форм коммуникации². Возникнув первоначально в узко профильных целях

умела ни читать, ни писать» (Керн А.П. Из воспоминаний о моем детстве // Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания о Пушкине / Сост., вступ. ст. и примеч. А.М. Гордина. – Москва, 1987. – С. 355). Подобное положение вещей было связано с традиционной моделью воспитания русской родовитой дворянки XVIII в., с воспитанием «в отеческом законе»: «Она была воспитана по-старинному, то есть окружена мамушками, нянюшками, подружками и сеньными девушками, шила золотом и не знала грамоты» (Пушкин А.С. Арап Петра Великого // Собр. соч.: В 10 т. – Москва, 1975. Т. 5. – С. 23).

¹ См., напр.: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – Санкт-Петербург, 1994. – С. 86-87.

² «Мы живем в век глобализации экономики и все большей мобильности, быстрого развития коммуникации, интеграции и взаимозависимости, в век крупномасштабных миграций и перемещения населения, урбанизации и преобразования социальных структур» (Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной

общения между собой в реальном времени ограниченного круга «компьютерщиков»-профессионалов¹, электронное письмо сравнительно быстро завоевало ведущие позиции в обмене информацией у широкой аудитории «рядовых» пользователей персональных компьютеров. И хотя гендерный состав этой аудитории позволяет характеризовать ее, по преимуществу, как маскулинно-ориентированную², участие женщин в электронной переписке делает возможным рассмотрение женского электронного письма как заслуживающего специального анализа культурологического феномена.

Точно так же, как их историческим предшественницам, женщинам на рубеже XX–XXI вв. необходимо было обладать грамотностью, но теперь уже компьютерной, подразумевающей умение пользоваться ПК, работать с приложениями. Тем не менее отсутствие этих навыков не могло стать безусловным препятствием для участия в электронной переписке: достаточно было прибегнуть к помощи «сведущих» друзей или воспользоваться отправкой электронной почты, входившей в перечень услуг, официально предоставляемых с известного времени некоторыми муниципальными отделениями связи.

конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года. Статья 3 – Социальные аспекты. 3.1.).

¹ Имеется в виду некоммерческая сеть ФИДО. О сети ФИДО см., напр.: Леонов С. От редакции // Компьютерра: Компьютерный еженедельник. – 1998. – № 48(276). 8 декабря. – С. 48.

² Согласно исследованию «Мониторинг российского интернета» от 14.02.2001, проводимого Группой monitoring.ru ежеквартально, «мужчин в Интернете значительно больше, чем женщин. В максимальной аудитории мужчины составляют 56,4%. С увеличением активности аудитории доля мужчин в ее составе увеличивается до 84,5% (ядро аудитории Интернета)». Справедливость применения данной статистики к настоящему исследованию обусловлена тем, что в основном пользователи электронной почты одновременно являются пользователями Интернета (хотя существует также аудитория электронной почты, не имеющая опыта посещения Интернета, и аудитория Интернета, не пользующаяся электронной почтой) и число их, по сведениям той же Группы, «с февраля 2000 года... стабильно растет на 2,2 млн. человек в квартал». Подробнее об этом см.: <http://monitoring.ru>.

Однако формальное неотстранение женщины от участия в традиционной или электронной переписке из-за неумения писать и читать или обращаться с почтовой программой еще не делает ее носителем эпистолярной традиции, знание которой предполагает, и в том, и в другом случае, регулярный личный обмен письмами с относительно устойчивым кругом корреспондентов. Для осуществления такого обмена на рубеже XVIII–XIX вв. женщине-дворянке необходимо было не только обладать определенными практическими навыками, но и иметь в распоряжении собственную материальную «оснастку»: специальную мебель (секретер, бюро), материал письма (бумагу, чернила), орудия письма (перья), письменные принадлежности (бювар, пресс-папье, чернильницу, нож для вскрывания писем). Наличие такого «вещного мира» и особого эмоционального отношения к нему свидетельствует о том, что культура письма была органичной частью дворянского быта, и, что женщина придавала ценностное значение ведению переписки как своеобразной сфере своей социокультурной активности. На рубеже XX–XXI вв. участнице электронной переписки не обязательно быть владелицей домашнего компьютера (что, безусловно, делает письменное общение более оперативным), а достаточно «просматривать почту» на работе или в т.н. Интернет-кафе или в любом месте, где ей доступен компьютер, подключенный к Сети. Разумеется, получение и отправление писем дома в любое время суток является большим «удобством», а для некоторых и насущной потребностью.

Необходимость обладания досугом, столь ярко выраженная у авторов дворянской переписки, причем как у женщин, так и у мужчин¹, и обусловленная длительностью самой процедуры письма

---

¹ Дворянская женщина, состоявшая в регулярной переписке с несколькими постоянными адресатами, потенциально должна была располагать достаточным количеством свободного времени для составления, исправления и копирования значительных по объему писем. «Замедление ответом на почтеннейшее письмо» дворянки объясняли «безпрестанным занятием» и «неимением ни минуты свободного времени» (ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 63, 80). Обладание досугом и определенным психологический настрой требовались и от мужчины для написания очередного письма: «Я

«от руки» в силу психологических и «технических» причин, вовсе не есть непереносимое условие «набора» на клавиатуре электронного послания. В отличие от дворянки, высвобождавшей от домашних дел особое время для письменного общения со своими корреспондентами, современная женщина может «писать» письма на компьютере походя, перемежая эту деятельность с другими занятиями. Атрибутом женской электронной переписки являются ремарки типа «жутко тороплюсь», «пишу – как всегда – на бегу»¹. В письмах дворянок рубежа XVIII–XIX вв. также встречаются указания на «спешку», имеющие, правда, в качестве мотивации не обилие дел помимо переписки, а опасение «пропустить почту»².

Отличается и круг самих участниц традиционной и электронной переписки. Если на рубеже XVIII–XIX вв. письма писались образованными представительницами всех возрастных категорий женской части дворянства – от детей до пожилых³, причем, живущими как в городе, так и в деревне, – то на рубеже XX–XXI вв. электронными посланиями обмениваются, преимущественно, молодые

хотел тотчас к тебе писать, но тяжба, хлопоты, неудовольствия, нездоровье отняли у меня и время, и охоту» (Катенин П.А. Письмо А.С. Пушкину от 9 мая 1825 г. // Поэзия и письма декабристов. – Горький, 1984. – С. 59).

¹ Цитируются письма корреспонденток из личного электронного архива автора.

² «...извините, моя родная, что так худо пишу, спешу, чтоб не пропустить почту...» (ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 91); «простите, моя родная, спешу кончить, чтобы не опоздать на почту...» (Там же. Л. 92об.).

³ При этом письма дворянских девочек и женщин преклонных лет отличались особой эмоциональной спецификой, по сравнению с письмами женщин среднего возраста. Например, девочки почти всегда выражали с детской непосредственностью искреннюю привязанность к занимавшимся их воспитанием взрослым – матерям, попечительницам, институтским классным дамам: «...chère maman, родные и знакомые хлопочут о том, чтоб мы не скучали без вас, но мы все-таки ждем с нетерпением счастливого дня вашего возвращения» (ГАТО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 137. Л. 71); «Все ея к вам, замаранные записочки показали мне, сколь душа моя Сонюшка добра, сколь она чувствует ваши о ней попечения» (ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 47); «Как я сожалю, что я не могу ничего сделать Госпоже Денисьевой в день ея именин, чтобы хотя сим показать знак моей благодарности за ея ко мне милости» (ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 94об.).

дамы и дамы средних лет, горожанки, часто связанные по роду деятельности с образованием и наукой¹. При этом переписка по электронной почте играет особую роль в поддержании деловых контактов между представительницами современного научного сообщества. Наличие электронных адресов – домашних или служебных – позволяет им оперативно пересылать информацию и материалы, причем самого внушительного объема, а также изображения². Сравнительно более ограниченный, чем на рубеже XVIII–XIX вв., круг носительниц эпистолярной культуры на рубеже XX–XXI вв. свидетельствует о сужении самого предмета частной переписки, имеющей исключительно практическое значение и выполняющей функцию собственно обмена информацией. В отличие от современного электронного письма традиционное письмо дворянки имело специфическое функциональное назначение, не исчерпывавшееся формальной передачей информации.

Возникнув как результат временного пребывания путешественника или путешественницы в условно инокультурном пространстве, частная переписка распространялась на «знакомое»,

---

¹ Согласно опросу от 14.02.2001, проведенному Группой monitoring.ru «чуть меньше трети аудитории Интернета – это люди до 24 лет, еще треть составляют россияне в возрасте от 25 до 34 лет. Средний возраст максимальной аудитории Интернета 32 года. С ростом активности аудитории ее средний возраст уменьшается до 28 лет. В России новые технологии, и в том числе Интернет, прежде всего осваиваются молодым поколением. Для людей старшего возраста Интернет не является необходимостью, естественным элементом быта. Кроме того, не последнюю роль играют материальные возможности – разница между молодыми и пожилыми в возможностях трудоустройства и социальной адаптации очевидна. Более двух третей во всех видах аудитории Интернета составляют люди с высшим и незавершенным высшим образованием. Остальные имеют среднее и среднее специальное образование». См.: <http://monitoring.ru>. О соотношении аудиторий электронной почты и Интернета и презентабельности подобной статистики для нашего исследования уже говорилось выше.

² Изображение, пересылаемое наряду с текстом, можно условно сравнить с почтовой открыткой или обычным письмом со вложенной в него фотографией. Существуют даже небольшие специальные программы с анимационными эффектами, включаемые внутрь электронного сообщения.

«освоенное» пространство дворянской повседневности. Написание личных писем родным и знакомым становилось жизненной потребностью женщины-дворянки и неотъемлемой частью ее культурного опыта. При этом письмо как своего рода зеркало «женской индивидуальности» отражало ее личностное эмоциональное начало. Дворянке, посвящавшей себя устройению домашнего быта и созиданию атмосферы внутрисемейного согласия, принадлежала важная роль в организации переписки между отдельными членами дворянской семьи. Будучи активной носительницей дворянского этоса, женщина являлась создательницей особой культуры письма, отличавшегося по функциональному назначению и содержанию не только от позднейшего электронного, но и от современного ему письма мужского.

Обыденное дворянское сознание «охватывало», как правило, локальное коммуникативного пространства. В повседневной жизни дворянка, особенно провинциальная, вращалась в сравнительно узком кругу родных, соседей и знакомых, что позволяет говорить о незначительном удалении друг от друга участников коммуникации. При расширении коммуникативного пространства (скажем, в силу временного отъезда одного из членов дворянской семьи из дома по той или иной надобности) женщина интуитивно стремилась к мысленному его сокращению посредством придания переписке значения устного общения.

Дворянка воспринимала письмо как своего рода разновидность разговора, что выражалось при подаче информации в употреблении ею слов «беседовать», «рассказывать», «говорить», «сказать», «болтать»¹. Очевидно, женская эпистолярная культура находилась под сильным влиянием традиций устного общения. При написании писем дворянские женщины пользовались обычным разговорным языком, в соответствии с требованиями которого

---

¹ «Виновата я много пред вами... долго не отвечала вам на письмо ваше... Но занятия мои и беспокойства не оставляли совершенно мне времени побеседовать с приятелями...» (ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 66); «Теперь расскажу тебе приятное...» (Там же. Л. 50об.); «Весьма сожалею, что не могу говорить с вами так вольно, как бы я хотела» (Там же. Л. 94); «Более нечего тебе сказать...» (ГАТО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 137. Л. 66); «Но я так заболталась, а Петр Андреев спешит...» (ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 24).

оформляли свои мысли¹. Не случайно женское письмо, состоявшее из нанизанных одна на другую разнообразных подробностей, напоминало устное сообщение, сделанное в кругу семьи или знакомых. В письме дворянка как бы воспроизводила то, что она могла бы сказать предполагаемым собеседникам при встрече. Благодаря этой условной возможности «устно» пообщаться со своими корреспондентами переписка приобретала для дворянской женщины особый ценностный смысл.

В письмах мужчин мы не встречаем подобного отождествления письма и разговора. Дворянин обычно «описывал» происходившее, а не «рассказывал» о нем². Мужчине удавалось осознать грань, разделявшую устное и письменное общение, тогда как женщина прямо переносила нормы одного способа осуществления коммуникации на другой. В силу повышенной эмоциональности дворянка при написании писем как бы «переживала» события, о которых информировала своих корреспондентов, в отличие от дворянина, занимавшего психологически отстраненную позицию по отношению к сообщаемым сведениям.

На рубеже XVIII–XIX вв. бытовой уклад жизни провинциальной дворянской семьи предусматривал постоянное повседневное общение, которое для женщины было «полем» не только личной, но и в известном смысле социальной самореализации. Письмо же должно было компенсировать ей нарушавшуюся на некоторое время непрерывность живого общения с родственниками и знакомыми и способствовать достижению своеобразного «эффекта

---

¹ О «склонности к употреблению средств живого повседневного языка», выявленной на основе анализа синтаксиса женских писем первой половины XVIII в. см.: Сумкина А.И. Синтаксис московских актовых и эпистолярных текстов XVIII в. – Москва, 1987. – С. 103.

² «...если буду описывать, то мне не поверят. Итак оставлю описание сего предмета, для тебя мало интересующего...» (ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 82об.); «...она на словах лучше может пересказать вам о вашем деле, чем я описать оно...» (Там же. Л. 113об.); «Я ныне вам не пишу подробно, потому что конца совершенно нет...» (ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 89. Л. 13); «Писать о подробностях торжества сего... нет нужды...» (ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 9).

присутствия», как при непосредственной встрече («...мы как будто с вами были все это время»¹). Этим объясняется чрезвычайно эмоциональная реакция дворянок на получаемую корреспонденцию: чтение писем «с радостными слезами», целование «бесценных строк» «с сердечною радостью»². Сила воздействия письма определялась тем, насколько полно оно отражало «авторское» настроение и душевное состояние, непосредственно сказывавшиеся на качестве и объеме переписки³.

В отличие от традиционного письма, в котором словесному выражению эмоций уделялось особое внимание, в современном электронном письме эмоциональную окраску сообщаемой информации придают т.н. «смайлики», различные общепринятые сочетания знаков препинания, условно воспроизводящие оттенки человеческой мимики⁴. Однако эти проявления эмоциональности, свойственные дружескому письму, могут полностью отсутствовать в частных письмах делового характера. Эмоциональная нейтральность сочетается в них с лаконичностью, что делает такие электронные послания похожими на телеграмму, на «выборку» самого главного. Вся сопутствующая, несущественная с точки зрения «темы» сообщения информация отсекается, в отличие от обычного «длинного» [Белова, 1998, с. 45] письма рубежа XVIII–XIX вв., воспроизводившего в мельчайших подробностях все перипетии повседневной жизни дворянской женщины.

Важным структурным элементом женской эпистолярной культуры было так называемое «ожидание почтового дня», в соответствии с регламентом которого повседневная жизнь дворянки была циклически упорядочена. Для провинциальной жительницы переписка являлась связующим звеном с «внешним миром» и основным источником получения сведений о нем, что было

¹ ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 39. Л. 25.

² ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 40; 20.

³ «...извините... что немного и нескладно пишу, я так расстроена потерей трех человек детей...» (ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 38об.).

⁴ Например, сочетание :-) означает «улыбка», «шутка», :- (– соответственно «печаль», «неприятности», :- | – «серьезные намерения», :- о – «удивление» и так далее. Всего же существует около десятка подобных комбинаций.

обусловлено замкнутым в целом образом жизни, когда любое новое впечатление имело особое значение и эмоционально окрашивалось. Героиня пушкинского «Романа в письмах» обращалась к подруге со словами: «Пиши ко мне как можно чаще и как можно более – ты не можешь вообразить, что значит ожидание почтового дня в деревне» [Пушкин, 1975b, с. 407]. Переписка для провинциалок означала «прорыв» за пределы собственной обыденности, даже если речь шла о мысленном перемещении при чтении очередного полученного письма в соседний уезд или имение.

При этом сам факт получения ответного письма имел для женщины большее значение, нежели конкретная информация, в нем излагавшаяся. Содержательная ценность коммуникации о «повседневном» определялась, в первую очередь, регулярностью ее осуществления. Среди писем, выходявших из-под пера дворянки, были такие, степень информативности которых, с современной точки зрения, кажется минимальной или равной «нулю»¹. Ей важно было всего лишь удостовериться в том, что родные и знакомые пребывают во здравии и благополучии, и получить от них формальное подтверждение этого в виде письма или собственноручной приписки к письму².

Женская эпистолярная культура, наряду с культурой устного общения, реализовывала «социальность» дворянки. При этом и причастность ее к социуму, и ее роль в трансляции социального опыта, включавшего в себя воспитание детей, воспроизводство культурно-бытовых традиций, проявлялись, главным образом, в процессе коммуникативного обмена, который мог осуществляться между непосредственными его участниками как в устной, так и в письменной форме.

Женской эпистолярной культуре было свойственно своеобразное двуязычие. На рубеже XVIII–XIX вв. женская переписка велась, в основном, на французском языке, служившем русскому

---

¹ Вероятно, именно это наводит некоторых исследователей на мысль об «этикетном» характере женских писем. См.: Сумкина А.И. Указ. соч. – С. 111, 136.

² «...Пашеньки Романович руки не было в последнем твоём письме, все сердце мое смутило...». ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 89.

дворянству, в том числе провинциальному, разговорным языком, причем не только светского, но и бытового общения, а значит, языком, на котором «милые предметы» могли наиболее адекватно выразить свои мысли и чувства¹. Особенно это касалось дворянок, получивших домашнее образование и слабо владевших русским, в отличие от институток, образовательная программа которых включала в себя обязательное изучение родного языка. Не случайно хранящиеся в ГАТО в составе личных фондов тверских дворян письма воспитанниц и бывших выпускниц институтов написаны в целом с современной точки зрения более грамотно, нежели письма женщин, не имевших институтского образования. Пушкинская Татьяна «по-русски плохо знала» и «писала по-французски», поскольку «гордый наш язык к почтовой прозе не привык» [Пушкин, 1975а, с. 58]. Начиная же с 20-х гг. XIX в. языковые приоритеты женского письма стали склоняться в сторону русского, входившего теперь в круг обязательного и более обстоятельного, чем раньше, домашнего изучения, причем, не без влияния литературных произведений А.С. Пушкина. Семейная переписка в провинциальной дворянской среде с этого времени была преимущественно русскоязычной или «смешанной», включавшей иноязычные, главным образом, французские «вкрапления». Эпистолярное описание впечатлений от заграничного путешествия могло содержать наименования местных обычаев и явлений на языке посещаемой страны. Напр., в письме А.В. Кафтыревой к деверю А.А. Кафтыреву, посвященном ее путешествию в 1847 г. по Италии, встречается итальянская лексика, придающая особый колорит ее туристским впечатлениям и наблюдениям².

Для электронного письма рубежа XX–XXI вв. характерна еще большая языковая универсальность. И хотя среди соотечественниц, в отличие от предшествующего периода, не принято писать не по-русски, в их письма часто попадают слова и выражения из европейских языков, особенно английские или немецкие. Это могут быть имена собственные, названия учреждений и организаций, адреса

---

¹ «Итак, писала по-французски... // Что делать! повторяю вновь: // Донедаме дамская любовь // Не изъяснялася по-русски... (Пушкин А.С. Евгений Онегин // Собр. соч.: В 10 т. М., 1975. Т. 4. С. 58).

² ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 131–138об.

электронной почты, научные термины или просто обозначения реалий на языке оригинала. Особая ситуация возникает, когда одна из корреспонденток оказывается за границей, писать откуда, как и туда, по-русски не всегда бывало возможно (из-за отсутствия специальной программы, понимающей русский язык, и русских шрифтов), вследствие чего прибегают к транслитерации¹ – передаче русских букв посредством латинских. Наряду с этим увеличивается объем переписки с иностранными корреспондентами, для ведения которой современной женщине необходимо владеть несколькими языками. Однако в отличие от эпохи рубежа XVIII–XIX вв., когда знание иностранных языков являлось своеобразным элементом сословной и культурной дифференциации и самоидентификации русской дворянки, в условиях рубежа XX–XXI вв. оно является неотъемлемым атрибутом культурного универсализма современной образованной женщины, ее «включенности» в информационное пространство мировой науки, образования или других сфер личностной самореализации.

Женская эпистолярная культура в России рубежа XVIII–XIX вв. – это культура бытового общения, сформированная миром дворянской повседневности и обращенная к нему. Базовые жизненные ситуации и отношения становились предметом эпистолярной рефлексии женщин. Повседневность дворянской усадьбы, родственный круг и его влияние на частную жизнь дворянки, ее физическое и душевное самочувствие, радости и горести, будни и праздники – все подлежало подробнейшему описанию и осмыслению. Повседневность мыслилась дворянской женщиной как сфера непосредственных жизненных интересов и ценностей, как основа и «центр» жизнедеятельности. Социальный и культурный потенциал женщин, при том, что допуск их к «высокой культуре» в то время был все еще сильно ограничен, наиболее полно и «творчески» реализовывался именно в повседневной жизни и связанной с ней частной переписке.

В наши дни новейшие средства коммуникации, такие, как телеграф, телефон, факсимильная, пейджинговая и мобильная связь,

---

¹ См., напр.: Казарновский К. Электронная почта. Часть 4: Способы преодоления проблем // Hard'n'Soft. – 1999. – № 2 (февраль). – С. 41.

электронная почта, Интернет, вытеснили практически полностью традиционное письменное общение из жизни современной женщины. Тотальная занятость, невладение навыками эпистолярной культуры, а главное, отсутствие ценностно обусловленной потребности в написании писем сделало их большой редкостью в российском быту конца XX в. Весьма характерно, что в современных семьях еще пишут письма «от руки» почти исключительно бабушки, имеющие для этого время, умение и желание и не обладающие компьютером или навыками работы на нем. При этом для них реальным препятствием поддержания эпистолярной традиции становится периодическое повышение тарифов на услуги почтовой связи¹. Нашей же современнице молодого и среднего возраста, внутренне более замкнутой, трудно выдержать доверительную, местами исповедальную, интонацию, присущую письму ее исторической предшественницы. А «Татьяне» на рубеже XX–XXI вв., для того, чтобы сообщить возлюбленному о своих чувствах, не нужно было ждать «почтового дня» или искать посыльного. Если романтическое объяснение не состоялось в Интернет-чате² (а тому, что любовные истории рождаются в Сети³ есть не только кинематографические, но и вполне реальные подтверждения), то всегда можно было открыть Outlook Express или другую почтовую программу, создать сообщение, выбрав для него получателя из адресной книги, и отправить, «прозвонившись» в Mail Line провайдера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белова, А.В. Дискурсы «женского письма» в русской дворянской повседневности конца XVIII – первой половины XIX вв. /

---

¹ См., напр.: Кому Вы в последний раз написали письмо? // Комсомольская правда. – 2001. – 31 марта. – С. 3.

² Чаты (от англ. chat – разговор, беседа) – это сайты в Интернете, посещение которых позволяет свободно общаться в реальном времени практически неограниченному числу собеседников из любых стран мира посредством коротких письменных сообщений.

³ О российских сайтах виртуальных знакомств, имеющих романтическую окраску, см., напр.: Барышников Н. Найдите себе друзей // Подводная лодка: Научно-популярный журнал о компьютерах. – 2000. – № 1. – С. 155.

А.В. Белова // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремко. – Санкт-Петербург: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. – С. 64-69.

Белова, А.В. Письмо русской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в.: культура и общение (по архивным документам) / А.В. Белова // Дни славянской письменности и культуры: сборник докладов и сообщений / отв. ред. О.Н. Овен. – Тверь: Изд-во ТвГУ, 1998. – Вып. 4. – С. 38-51.

Белова, А.В. Повседневность русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. (к постановке проблемы) / А.В. Белова // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история / под ред. Н.Л. Пушкаревой. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – С. 269-284.

Кабанов, В.В. Исторические источники советского периода / В.В. Кабанов // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учебное пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – Москва: РГГУ, 1998. Часть 2. Раздел 3. – С. 505-666.

Кому Вы в последний раз написали письмо? // Комсомольская правда. – 2001. – 31 марта. – С. 3.

Мордвинова, Н.Н. Воспоминания об адмирале Николае Семеновиче Мордвинове и о семействе его (Записки его дочери) / Н.Н. Мордвинова // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века / сост., авт. вст. ст. и коммент. Г.Н. Моисеева. – Москва: Современник, 1990. (серия мемуаров «Память»). – С. 389-448.

Пушкин, А.С. Евгений Онегин / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. – Москва: Художественная литература, 1975. Т. 4: Евгений Онегин. Драматические произведения / Примеч. Д.Д. Благого, С.М. Бонди. – С. 7-180.

Пушкин, А.С. Роман в письмах / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. – Москва: Художественная литература, 1975. Т. 5: Романы. Повести / Примеч. С.М. Петрова. – С. 404-416.

Шорэ, Э., Хайдер, К. Вступительные замечания о совместном русско-немецком научном проекте / Э. Шорэ, К. Хайдер // Пол, гендер, культура: немецкие и русские исследования / под ред. Э. Шорэ и К. Хайдер. – Москва: РГГУ, 1999. – С. 9-21.